

С.Д. Захаров, С.В. Меснянкина
Институт археологии РАН, Москва

Крутик: новые открытия¹

Поселение Крутик, существовавшее в IX–X вв. в верхнем течении р. Шексны, достаточно хорошо известно в археологической литературе. Оно относится к числу немногих археологических памятников Центрального Белозерья, возникших в конце I тыс. н.э. – на начальных этапах становления Древнерусского государства. Широкомасштабные раскопки, проведенные Л.А. Голубевой в 1970-е–1980-е гг., выявили на памятнике уникальный по сохранности культурный слой, содержащий чрезвычайно яркий и обильный вещевой материал и богатейшие палеоэкологические остатки. Опираясь на результаты раскопок, исследовательница сопоставила Крутик с поселениями, получившими в археологической литературе название торгово-ремесленных, или «протогородских» (кавычки Л.А. Голубевой). В этнокультурном плане Крутик был охарактеризован как эталонный памятник белозерской веси, еще не испытавшей сильного славянского влияния. В ходе многолетних работ на поселении удалось вскрыть значительную по размерам площадь – около 1600 кв. м и до недавнего времени считалось, что Крутик исследован практически полностью. Однако в 2006 г. на памятнике были выявлены новые, неизвестные ранее, участки культурного слоя и в 2008 г. раскопки поселения возобновились.

Отличительными чертами нового цикла работ на Крутике стали комплексный характер исследований и применение принципиально иной стратегии ведения раскопок. Основная цель нового подхода – при вскрытии небольших по площади участков культурного слоя получать максимальное количество репрезентативной и достоверной информации, достаточной для детальной реконструкции различных аспектов существования средневекового общества.

Использование новой методики уже за три года работ позволило получить качественно новую информацию о характере и особенностях развития поселения. На исследованном участке были выявлены несколько последовательно сменявших друг друга объектов производственного назначения, связанных с косторезным, бронзолитейным и железообрабатывающим ремеслами. Несмотря на относительно небольшую раскопанную площадь, удалось собрать необычную по объемам коллекцию вещевых и палеоэкологических материалов. Причем по целому ряду категорий находок, таких как дирхемы, стеклянные бусы и бисер, железные иглы, отходы ремесленного характера и др., новое собрание в несколько раз превосхо-

дит коллекцию, полученную за все годы предшествующих раскопок.

Однако наиболее интересным открытием нового цикла исследований можно считать обнаружение погребальных комплексов, которые в предыдущие годы, несмотря на целенаправленные поиски, выявить не удавалось. В 2008 г. в ходе детальных обследований окрестностей поселения был найден основной некрополь Крутика – могильник Кладовка I и начаты его раскопки. Продолжение разведочных работ в ближайшей округе памятника в 2009 г. принесло еще одно, неожиданное, открытие. Был обнаружен второй некрополь – могильник Кладовка II. Важной особенностью выявленных памятников, отличающей их от многих синхронных могильников, можно считать то обстоятельство, что их площадки не подвергались распахке. Это подтверждается как археологическими данными, так и результатами почвоведческих исследований. Могильники удалены от поселения на примерно одинаковое расстояние, но существенно различаются по топографии. Если первый занимает склоны и гребень довольно высокой гряды, то второй расположен в необычно низком месте – на слабо выраженном в рельефе всхолмлении.

За три года раскопок на могильниках было вскрыто около 120 кв. м. и исследованы многочисленные погребения со своеобразным погребальным обрядом. Его основу составляют поверхностные рассыпания кремнированных остатков и в разной степени оплавленных и обожженных вещей. Для обоих могильников характерны необычно мелкие размеры сильно пережженных костей, обилие бронзовых украшений, среди которых выделяются многочисленные детали поясной гарнитуры, большое количество стеклянных бус, присутствие небольшого числа фрагментов лепной керамики с типичной белозерской орнаментацией и практически полное отсутствие железных изделий. При этом отмечаются и некоторые различия в деталях погребального обряда. Для первого могильника характерны большие по площади и не имеющие четких границ пятна, насыщенные кальцинированными костями и вещевыми находками, среди которых невозможно выделить отдельные комплексы. На втором могильнике помимо рассеянных в слое костей и находок удалось выявить несколько компактных скопления материала.

Однако наиболее значимые различия фиксируются в погребальном инвентаре. Если на Кладовке I самой массовой находкой после стеклянных бус явля-

¹ Полевые исследования на памятниках комплекса проводятся при финансовой поддержке РГНФ (проекты №№ 08-01-18118е, 09-01-18127е, 0-01-18050е, 11-01-18117е).

ются детали разнообразных шумящих украшений и привесок к ним, то на втором некрополе найдено лишь несколько привесок-бубенчиков от одной подвески. В то же время среди материалов Кладовки II имеются девять небольших ширококорых лунниц, отлитых в двусторонних литейных формах, и впервые обнаруженное на памятниках комплекса шиферное пряслице, побывавшее в огне погребального костра.

Не менее интересны и результаты хронологического анализа вещевого инвентаря некрополей, включающего в себя уже около 3 000 находок. Изучение этого материала показывает, что если участки, исследованные на первом могильнике, датируются концом

IX – второй половиной X в., то время существования некрополя Кладовка II можно предварительно определять в рамках конца X – первой половины XI в.

Новые материалы не только позволяют значительно уточнить сложившиеся представления о времени существования памятников комплекса и этнокультурном облике населения Крутика. Они заставляют еще раз вернуться к вопросу об оценке исторической роли самого Крутика, который рядом исследователей рассматривается как крупное раннегородское торгово-ремесленное поселение, непосредственный предшественник древнерусского города Белоозера, и даже как летописный город – Белоозера «эпохи Синеуса».

О.В. Зеленцова, Т.Б. Никитина, И.А. Сапрыкина

Институт археологии РАН, Москва

Поясной набор из могильников поволжских финнов X–XI вв. как единый комплекс

Поясные наборы, украшенные металлическими накладками, из средневековых могильников поволжско-финского населения нередко привлекаются исследователями для аналогий и историко-хронологических реконструкций. Однако, как правило, в качестве аналогий или хронологических реперов привлекаются отдельные детали поясной гарнитуры, а не поясной набор как комплекс в целом.

В настоящей работе проанализированы поясные наборы из мордовского Крюково-Кужновского могильника и двух марийских могильников – Дубовского и Нижняя стрелка. Для исследования привлечены погребения с поясами, датирующиеся X–XI вв. Выборка составляет 145 комплексов (Дубовский – 82, «Нижняя стрелка» – 53, Крюковско-Кужновский – 59).

Целью исследования был анализ поясного набора как единого комплекса. Выполнен статистический анализ поясных гарнитур, который позволил выделить так называемые полные пояса, состоящие из пряжки, наконечника и накладок, как правило, двух видов (в количестве более 20 экз.). Для поясов из Крюковско-Кужновского могильника характерно также использование поясных привесок-амулетов.

Неполные пояса включают накладки и, обычно, пряжку. Наконечник нередко отсутствует, иногда нет и пряжки. Количество накладок в таких наборах обычно не больше 15–20.

Третий вид поясов в погребениях бывает представлен от одной до трех-пяти деталей: это может быть только пряжка; пряжка и наконечник, пряжка и несколько накладок, либо только накладки.

На следующем этапе исследовалась встречаемость между отдельными типами деталей поясного набора внутри комплекса, что позволило выделить наборы поясов, характерные для марийцев и для мордвы, а также поясные гарнитуры, общие для обеих культур.

Было выделено 4 вида поясных наборов, характерных для марийских могильников и два вида поясов, встречающихся у мордвы.

Также был выделен поясной набор, встречающийся как в марийских, так и мордовских могильниках. Этот пояс по составу деталей, типам поясных накладок, наконечников и пряжек идентичен и у марийцев, и у мордвы. На наш взгляд, это позволяет предположить, что в середине X в. поясные наборы такого вида привозились в готовом (собранном) виде из одного центра на территорию поволжских финнов.

В более позднее время – в конце X – XI в., пояса в марийских и мордовских захоронениях различаются, и в каждом регионе складываются свои особенности в оформлении поясного набора, в их составе и наборе. Химико-технологическое исследование позволило установить, что поясные наборы этого хронологического периода могли быть собраны из деталей, изготовленных как из сплава одной рецептуры, так и из разных типов сплавов как на основе меди, так и драгоценного металла. Часто в составе поясных наборов присутствуют детали, выполненные также разными способами изготовления. Вероятно, накладки, пряжки и другие элементы пояса могли привозиться россыпью, а сборка производилась на месте с учетом вкусов и традиций местного населения своими мастерами.